

Глава I

С самого начала путешествие пошло не так, как намечалось.

Выехав из моего отеля в жестоко-холодное мартовское утро, я пересек Балтимору и достиг пристани как раз вовремя. В девять часов катер должен был доставить меня на борт «Эльсиноры», и я, замерзший, со все возрастающим раздражением ждал в моем таксомоторе. На наружном сиденье шофер и Вада сидели съежившись, при температуре, которая была, пожалуй, еще на полградуса ниже, чем внутри. А катер все не появлялся.

Поссум, щенок фокстерьера, которого Гольбрэт неизвестно зачем навязал мне, не умолкал и дрожал у меня на коленях, под моим меховым пальто, но не хотел сойти с колен. Непрерывно скулил, царапался и барахтался, желая выглянуть наружу, но стоило ему только высунуть нос и почувствовать укусы холода, как с той же настойчивостью он начинал визжать и царапаться, пытаясь попасть обратно в тепло.

Его непрекращающийся визг и беспокойные движения действовали отнюдь не успокаивающе на мои расстроенные нервы. Вначале это существо меня совершенно не интересовало, и я не обращал на него внимания. Через некоторое время, по мере того как мрачное ожидание затягивалось, я уже был недалек от того, чтобы отдать его шоферу. А когда мимо меня прошли две маленькие девочки — по-видимому, дочери зрителя пристани, — моя рука протянулась к двери мотора с тем, чтобы открыть ее, позвать девочек и подарить им эту визжавшую маленькую тварь.

Прощальный, неожиданный подарок Гольбрэта, который прибыл в отель накануне ночью экспрессом из Нью-Йорка! Это в духе Гольбрэта! Ведь он вполне спокойно мог бы поступить

так же прилично, как и другие, и прислать мне фрукты или даже... цветы. Но нет! Его трогательные чувства должны были выразиться в образе скулящего, твякующего двухмесячного щенка. С появлением этого фокстерьера и начались мои мытарства. Клерк отеля обвинил меня в проступке, которого я даже не понял. И тогда Вада, по собственной инициативе, по собственной непроходимой глупости, попытался спрятать щенка в своей комнате, но был уличен и пойман местным сыщиком. Внезапно Вада забыл про свое знание английского языка и заговорил на истерическом японском, а местный сыщик помнил только свой ирландский. В это время клерк в самых недвусмысленных выражениях дал мне понять, что случилось именно то, чего он от меня ожидал.

Так или иначе, будь проклята эта собака! А заодно будь проклят и Гольбрэт! А пока я мерз в моторе на этой открытой ветру пристани и проклинал себя и заодно ту свою сумасбродную прихоть, которая отправила меня прогуливаться на парусном судне вокруг мыса Горн.

Около десяти часов на пристань прибыл пешком не подающийся описанию юноша, принесший сверток с одеждой, который через несколько минут был передан мне смотрителем пристани. «Это для лоцмана», — сказал он и дал шоферу указания, каким образом найти другую пристань, с которой меня через неопределенное время должны доставить на борт «Эльсиноры» другим катером. Это еще больше увеличило мое раздражение. Почему я не был осведомлен об этом так же хорошо, как лоцман?

Часом позже, когда я все еще находился в моем моторе, но уже на конце другой пристани, явился лоцман. Я не мог себе представить ничего менее похожего на лоцмана. Передо мной стоял вовсе не обветренный сын моря, одетый в синюю куртку, а джентльмен с мягким голосом, тип преуспевающего делового человека, каких можно встретить во всех клубах. Он немедленно представился мне, и я пригласил его в мою ледяную карету с Поссумом и моим багажом. Перемена в расписании

была произведена по распоряжению капитана Уэста — это было единственное, что он знал, но все же он высказал предположение, что катер рано или поздно все же сюда придет.

И он пришел в час дня, после того как я прождал на морозе четыре смертельно томительных часа. За это время я совершенно определенно решил, что мне не понравится этот капитан Уэст. Несмотря на то что я еще ни разу не встретился с ним, его обращение со мной было, по меньшей мере, высокомерным. Еще когда «Эльсинора», только что прибыв с грузом ячменя из Калифорнии, находилась в бассейне Эри, я специально приезжал из Нью-Йорка, желая осмотреть то, что должно было стать моим домом в продолжение многих месяцев. Меня восхитили и судно, и устройство кают. И офицерская каюта, предназначенная мне, вполне меня удовлетворила, оказавшись гораздо просторнее, чем я предполагал. Но когда я заглянул в каюту капитана, то ее комфортабельностью был просто поражен. Если я скажу, что она открывалась прямо в ванную комнату и что, помимо других предметов мебели, была снабжена большой бронзовой кроватью, какой никогда нельзя было предполагать найти на судне дальнего плавания, — я скажу достаточно.

Естественно, я решил, что и ванная комната, и большая бронзовая кровать должны принадлежать мне. Когда я попросил моих агентов договориться об этом с капитаном, они, как мне показалось, смутились и не выразили никакой активности в желании исполнить мою просьбу. «Я совершенно не знаю, сколько это будет стоить, — сказал я. — И для меня это не важно. Будет ли это стоить сто пятьдесят долларов или же пятьсот, я должен получить эту каюту».

Агенты Гаррисон и Грэй, тихо вдвоем обсудив мою просьбу, высказали сомнение в том, что капитан Уэст согласится на эту сделку. «Тогда он — единственный капитан морского судна, о котором я когда-либо слышал, не согласившийся на это, — уверенно заявил я. — Капитаны всех пассажирских судов систематически продают свои каюты».

— Но ведь капитан Уэст не служит на пассажирском судне Атлантического океана, — мягко заметил мистер Гаррисон.

— Поймите же, мне придется много месяцев прожить на корабле, — настаивал я. — О небо, предложите ему тысячу долларов, если это уж так необходимо.

— Мы попробуем, — сказал мистер Грей, — но предупреждаем вас, чтобы вы не возлагали слишком много надежд на результаты наших стараний. Капитан Уэст в настоящее время находится в Сирспорте, и мы сегодня ему напишем.

Уже через несколько дней мистер Грей вызвал меня по телефону и, к моему удивлению, сообщил, что капитан Уэст отклонил мое предложение.

— А вы предлагали ему до тысячи? — спросил я. — И что он сказал?

— Он выразил сожаление по поводу того, что не может принять ваше предложение, — ответил мистер Грей.

Через день я получил письмо от капитана Уэста. Почерк и слог были старомодны, тон носил официальный характер. Он сожалел, что до сих пор не встретился со мной, и заверял меня, что лично будет следить за тем, чтобы мое помещение было устроено комфортабельно. Он уже послал соответствующее распоряжение мистеру Пайку, старшему своему помощнику на «Эльсиноре», — разобрать переборку между моей и запасной смежной каютой. А затем — вот тут-то и началась моя антипатия к капитану Уэсту! — он уведомлял меня, что в том случае, если, находясь в море, я все же буду испытывать какие-то неудобства, он с радостью поменяется со мной помещениями.

Ясное дело, что после такого отпора я понял, что никакие обстоятельства не позволят мне когда-нибудь воспользоваться бронзовой кроватью капитана Уэста. И это был тот самый капитан Уэст, которого я до сих пор еще не встречал и который заставил меня мерзнуть на пристани в течение четырех ужасных часов. Чем меньше я буду видеть его во время путешествия, тем лучше! — таково было мое решение. И я с чув-

ством невыразимого удовольствия подумал о множестве ящиков с книгами, которые я переправил на судно из Нью-Йорка. Слава Богу, я не зависел ни от каких морских капитанов и их разговоров: у меня было чем заняться.

Я передал Поссума Ваде, который сидел рядом с шофером, и в то время как матросы катера переносили мой багаж на борт, лоцман повел меня представляться мистеру Уэсту. При первом же беглом взгляде я понял, что он похож на морского капитана не в большей степени, чем этот лоцман — на лоцмана. Я видел лучших капитанов пассажирских пароходов, а этот так же мало походил на них, как на тех толстощеких шкиперов с грубыми голосами, о которых я читал в книгах. Рядом с ним стояла женщина, до того закутанная, что ее почти не было видно, представлявшая собой теплый пестрый ком с огромной муфтой и боа из рыжей лисицы, почти полностью скрывавший ее.

— Бог мой! Его жена! — шепотом обратился я к лоцману. — Она едет вместе с ним?

Договариваясь о поездке, я специально обратил внимание мистера Гаррисона на то, что единственное, с чем я никак не могу смириться, это чтобы шкипер «Эльсиноры» взял с собой жену. Мистер Гаррисон улыбнулся и уверил меня, что капитан Уэст отправится в плавание без жены.

— Это его дочь! — едва слышно ответил лоцман. — Я думаю, что она пришла посмотреть, как он отчалит. Его жена умерла с год назад. Говорят, что из-за этого он вернулся к морю. Ведь, знаете, он уже вышел в отставку.

Капитан Уэст пошел мне навстречу, и, прежде чем наши протянутые руки соприкоснулись, прежде чем его лицо вышло из состояния покоя для поклона, прежде чем его губы зашевелились, чтобы заговорить, я почувствовал потрясающее воздействие его личности. Высокий, худощавый, с породистым лицом, он был холоден, как этот морозный день, спокоен, как король или же император, далек, как самая отдаленная звезда, и бесстрастен, как эвклидова теорема. А затем, за миг до того,